

Уроки Геннадия Будаё

С редакторами подпольной и дивизионной газет, Геннадием Будаё и Михаилом Шибалисом, автору этой публикации уже в мирное время посчастливилось работать вместе в редакциях «Сельской газеты» (ныне «Белорусская нива») и журнала «Коммунист Белоруссии», предшественника сегодняшней «Беларускай думкі». Но идея взяться за эти заметки родилась намного позже, когда резанула по сердцу небольшая публикация в «Белорусской ниве».

Ее сотрудник Олег Каминский, приехав на свою малую родину, в Докшицкий район, был немало озадачен: из названий некоторых хозяйств исчезли имена, связанные не только с революционными событиями, но и с памятью о Великой Отечественной войне. В качестве примера он привел имя уроженца этих мест Героя Советского Союза Арсения Юхновского. И этот факт, увы, не единичен: не обозначены больше на аграрной карте Беларуси, сообщал автор публикации, имена Михаила Сильницкого в Полоцком, Константина Заслонова в Оршанском, Дмитрия Карбышева в Мостовском, Марата Казея в Дзержинском районах. В одних случаях, пытается объяснить ситуацию журналист, хозяйства стали именоваться по названию центральных усадеб, в других их присоединили к более крепким соседям или каким-то предприятиям и т.п. Однако поиск новых названий, и тут О. Каминский совершенно прав, не должен лишать нас памяти [1].

Читаешь заметку – оторопь берет: чем же провинились Герои перед нами, живущими? И что же мы за Иваны такие беспамятные, что за манкурты, не знающие родства? Как и когда вселились в наши души гены забвения, равнодушия? Где же наша человеческая совесть, где ответственность перед теми, кому обязаны своей свободой, самой жизнью, наконец? Перед поколением людей, вынесшим все трагедии и страдания самого кровавого в истории века – Двадцатого.

Пусть простит меня читатель за столь эмоциональное и пространное вступление. Но ведь разговор наш сегодня пойдет имен-

но о Памяти, о ее дозорных и хранителях – о журналистах на войне. В отличие от седобородых мудрецов-летописцев, день за днем фиксировавших происходящее, они не только писали историю Великой Отечественной, но и сами активно участвовали в ее событиях, говоря высоким слогом, своими жизнями творили Историю. Лаконично и точно сказал об этом поэт Александр Жаров:

*Вместе жили, Родине служили
Острое перо и автомат.*

Именно эти слова Геннадий Будаё взял эпиграфом к своей книге «Свинцом и словом. Записки журналиста», первое издание которой увидело свет в 1975 году [2, с. 5]. Обратите внимание, читатель, на эту дату: три десятилетия понадобилось автору, чтобы написать и издать свои воспоминания. Не думаю, что задержка была из-за их печатания: кто бы отказал в такой «малости» известному журналисту, комиссару партизанского соединения, редактору подпольных газет, партийного журнала, члену ЦК, депутату Верховного Совета... Регалий у него, как видим, было немало, но времени и сил работа отнимала столько, что рукопись книги отодвигалась в дальний ящик стола. Да и не воспоминаниями он назвал ее, а более скромно – «Записками журналиста», что придавало ей оттенок более «вольного», творческого использования жизненного материала.

А еще, считаю, дело было в ответственности автора за точность, достоверность повествования. Это я понял еще тогда, когда пришел в редакцию «Коммуниста Белоруссии»: в то время Геннадий Будаё работал над вторым изданием книги – исправленным и дополненным. На это ушло еще шесть лет, и он опять нередко засиживался допоздна, выверяя каждую фамилию, каждое слово, каждый эпизод. Такая же дотошность была присуща ему и в работе над статьями, которые готовились в журнал.

Сам Геннадий Васильевич – неторопливый, основательный, немногословный, на взгляд того, кто его не знал, даже угрюмый, – одним своим видом, редкими, но

Обложка книги
Геннадия
Будаё «Свинцом
и словом»



емкими оценками нашей общей работы и четко сформулированными требованиями внушал чувство уверенности в себе, в необходимости и правоте того дела, которое мы все делали сообща. Я и раньше знал о том, что наш редактор – героическая личность, что в годы войны он был одним из организаторов антифашистского подполья. Но, удивительное дело, не могу припомнить случая, несмотря на достаточно доверительные отношения, сложившиеся за восемь лет нашей совместной работы в «КБ», чтобы он когда-нибудь прилюдно делился воспоминаниями, рассказывал о перипетиях подполья, партизанской жизни.

И вот – «Записки...». Солидное издание в твердой обложке с вкладкой, на которой помещены фотоснимки подпольщиков и партизан. Есть тут снимок и самого Будаё, ни размером, ни ракурсом не отличающийся от других. Строгий, сосредоточенный, словно рентгеном пронизывающий взгляд... Китель со слегка выступающим белым подворотничком... А рядом – портрет Владимира Омелянюка, его друга, с которым вместе работали в районной газете, учились в КИЖе (Коммунистическом институте журналистики имени С.М. Кирова – было в СССР такое высшее учебное заведение, готовившее журналистские кадры), а в годы войны вместе боролись с врагом: Владимир в Минске, Геннадий в Дзержинске, а затем в Налибокской пуще, где дислоцировалось партизанское соединение, в котором Будаё был комиссаром, редактором газеты «Народный мститель».

Война застала его и жену Нину Котяшеву, тоже студентку КИЖа, на практике в Бресте. Они и не подозревали, что затянется эта «практика» на годы, а для Нины – на всю оставшуюся жизнь... В то роковое воскресенье 22 июня Будаё «проснулся от сильного грохота. Казалось, все кругом рушится. Как отпущенная пружина, вскочил с постели и распахнул окно. Над крепостью бушевало пламя. Серую полутьму разрывали вспышки снарядов. Воздух дрожал от рева самолетов»... Так



Геннадий Будаё.
Фото 1944 года

лаконично, в темпе происходивших тогда трагических событий описывает начало войны сам автор [2, с. 10]. В том же стиле рассказывается и о первых боях в здании Брестского военкомата, о 15-дневном переходе в Дзержинск, о первой встрече с Владимиром Омелянюком в оккупированном Минске, надолго определившей их планы и действия, о создании антифашистского комитета «Смерть фашизму», о технологии выпуска и распространения листовок, подпольной газеты...

Все это и многое другое Будаё талантливо описал в своей книге, удостоенной Государственной премии республики. Я прочитал ее позднее, когда Геннадий Васильевич подарил мне свежий, пахнущий типографской краской экземпляр второго издания с теплым автографом. Замечательная книга! Искренний, честный, достоверный рассказ о войне, своем участии в ней. Хотя как раз о себе-то автор пишет весьма скупое, делая акцент на героических поступках своих товарищей по борьбе.

Михаил Шибалис, его давний друг и коллега, который работал с ним в «Сельской газете» и в «Коммунисте Белоруссии» и которому Геннадий Васильевич подписал первые экземпляры своей книги обоих изданий, где-то «откопал» довоенную многотиражку КИЖа, где была напечатана заметка, рассказывавшая о Будаё. Вырезку этой заметки, а также фотоснимки Будаё, на одном из которых он изображен вместе с Омелянюком во время учебы в институте, я отыскал недавно в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Приведу отдельные фрагменты этой публикации, сохраняя стиль и грамматические особенности оригинала.

Автор сообщает, что в институт Геннадий Будаё (здесь же помещен и его портрет, который нам, как и всю заметку, удалось отсканировать) «прышоў ужо атрымаўшы жыццёвую загалку. Пачынаючы з 1934 года працаваў у рэдакцыі раённай газеты: спачатку загадчыкам сельгасаддзела, а затым адказным сакратаром. Доўгі час ён быў сакратаром камсамольскага камітэта рэдакцыі. Усе гэтыя работы адказныя, складаныя. Але яны-то і фарміравалі волю, цвёрдасць характару. Гэта цвёрдасць

непросто, а в опаснейших условиях подполья, жесткой конспирации, в партизанском лагере, когда рядом враг, провокаторы?

В полной мере оценить это мог лишь тот, кто сам побывал на войне. Например, тот же Михаил Шибалис, редактор дивизионной газеты. «Доставалось тебе, дивизионка!» – воскликнул он как-то в сердцах, показывая мне подшивку газеты «В атаку». Но, сравнивая свои фронтовые мытарства с выпуском партизанской газеты, Михаил Израилевич признавался: «И все-таки куда труднее, куда опаснее было газете партизанской. Дивизионные газетчики знали,



Владимир
Омельянюк (слева)
и Геннадий Будаё
во время учебы
в Коммунистическом
институте
журналистики
имени С.М. Кирова

как правило, в какой стороне противник, знали, что справа и слева, сзади и спереди свои. У партизанских журналистов враг был вокруг, линии фронта не существовало. Армейские отделы снабжения обеспечивали дивизионки бумагой, краской, шрифтами, тыловые службы дивизии – бензином и запчастями к автомашине. Полевая почта доставляла дивизионную газету в полки, а оттуда связные – в батальоны и роты. Партизанская газета ничего этого не имела. Она полностью находилась, пользуясь нынешней лексикой, на самоокупаемости, самофинансировании и самоснабжении...»

Разговор наш происходил в присутствии Будаё. Когда Шибалис рассказывал, в какие приходилось попадать переплеты, делая дивизионку, Геннадий Васильевич, как всегда, помалкивал или с обычной для него мягкой улыбкой соглашался: «Да, все мы хватили лиха...» Шибалис отзывался в тон: «Да, но я-то теперь знаю, что на долю партизанских журналистов этого лиха хватило с лихвой».

В редакциях, где работал Будаё, конечно же, знали о славном партизанском прошлом редактора. Но многие детали, которые высвечивают характер человека, оставались в тени. И тогда коллеги удивлялись, когда видели, как в свободные минуты Геннадий Васильевич вчитывался в какие-то учебники, что-то конспектируя. Это еще в «Колхозной правде» (предшественнице «Сельской газеты») было... Оказалось, уже в зрелом возрасте он заочно учился на журфаке БГУ: КИЖ-то окончить не довелось из-за войны. А знания журналисту нужны как воздух. Впрочем, только ли журналисту?

Одним из первых на «Записки журналиста» откликнулся Иван Новиков, тогдашний корреспондент «Правды» по Беларуси, по праву считающийся родоначальником мемуарной литературы о Минском подполье. «Среди многих других книг она (книга Будаё. – Авт.) выделяется максимальной, можно сказать, подчеркнутой объективностью. Читаешь ее и чувствуешь, как сдержанно, строго, осторожно рассказывает автор об увиденном и пережитом. Он нарочито не допускает художественного изображения фактов, очевидцем которых был и которые мог бы описать яркими красками. Тому, кто лично знает Геннадия Будаё, знает его литературные возможности, кажется, порой приходится досадовать: вот тут бы развернуться ему во всю силу, применить все свои художнические способности – какая картина получилась бы. А он ограничился скупым пересказом эпизода» [5, с. 175].

Иван Григорьевич высказал свое предположение о том, почему же автор так сдержан. По его мнению, все, о чем Будаё повествует, является прежде всего документом, свидетельством участника событий. Отсюда и эта «предельная лаконичность». Что ж, с мастером мемуарного жанра, каковым являлся Иван Новиков, нельзя не согласиться.

Вообще говоря, в журналистских, писательских кругах книга Будаё вызвала большой интерес, и откликов в печати появилось немало. Доброе слово о «Записках журналиста» сказали в прессе ветераны Великой Отечественной войны – народный писатель Беларуси Иван Шамякин,

декан журфака БГУ Григорий Булацкий и многие другие. Авторы рецензий и отзывов сходились на том, что главное достоинство книги – ее правдивость, честность. Дело не только в точности каких-то деталей, хотя и это, конечно, важно, но и, если говорить в более широком контексте, – в утверждении подлинной правды о войне. В концептуальном осмыслении и оценках описываемых событий. Без искусственной героизации, преувеличения, но и без преуменьшения их исторического значения. Всей логикой повествования автор опровергает различные мифы и измышления о партизанском движении как о чем-то привнесённом извне, неестественном для менталитета белорусского народа. Общий вывод ветеранов: Геннадий Буда́й написал хорошую книгу. О том, что видел и пережил. О тех, кто прокладывал дорогу к Победе. О чем не имел права не написать.

Да, не имел права не написать. Журналист нередко оказывается в подобной ситуации, когда написать требует память, память о людях, которые тебе дороги, о тех событиях, которые, несмотря на налет архивной пыли, пышат жаром... Это Геннадий Васильевич понимал, когда уже в мирное время пытался совместить с творческими замыслами сложные, хлопотные обязанности ответственного секретаря, заместителя редактора «Сельской газеты», заместителя, а затем и главного редактора «КБ». Иначе говоря, с напряженной работой в государственной, партийной прессе, которая была известна особенной требовательностью к своим сотрудникам и в выборе тем для публикаций, и в достоверности излагаемых событий... А творческая, деловая атмосфера в коллективах редакций не всегда складывалась мирно да благостно. Знаю об этом не понаслышке – по своим собственным впечатлениям, потому что мой стаж в государственных СМИ «зашкаливает» за полвека...

Оглядываясь на прожитое и пережитое, вижу: везло мне на хороших редакторов,



Номер газеты
«Чырвоная
звезда»
от 19 мая 1944 года,
которую редакци-
ровал Г. Буда́й

просто замечательных: Георгий Лысов («Гродзенская праўда»), Владимир Матвеев, Андрей Колос («Сельская газета»), Виталий Чанин (Белорусское телевидение)... И вот – Геннадий Буда́й.

В редакцию «Коммуниста Белоруссии» я пришел уже не мальчиком: до этого четырнадцать лет было отдано газетам, три года телевидению, два года Академии общественных наук в Москве... И, тем не менее, придя в журнал, рядом с такими акулами пера, как сам Буда́й, а еще Якуб Миско, Александр Ратайко, Виктор Борушко, Тамара Гордышева, Владимир Хотяновский, Иван Котов, Александр Дубовик, Николай Соколов, я поначалу робел, чувствовал себя «пачаткоўцам», несмышленишем... Все было внове: и люди, и режим работы, и требования.

В сравнении с газетной и телевизионной суетой, которой я хлебнул вдоволь, непривычным казался размеренный ритм журнальной жизни, углубленная проработка тематики, повышенное внимание к достоверности излагаемого. Мой очерк о Ралько и Янковском, знаменитых руководителях полесских хозяйств, был в редакции встречен вполне благосклонно. Буда́й сказал одно лишь слово: «Молодец». Для меня оно стало карт-бланшем на работу в серьезном, авторитетном издании.

Я не случайно упомянул об «акулах пера». Да, именно таковыми они и были, многие мои коллеги, не только в смысле мастерства, но и в смысле зубастости, остроты отношений между собой. Коллектив редакции то и дело лихорадило, в конфликты втягивался даже наш учредитель – ЦК, куда попадали устные, а случалось, и письменные «сигналы» враждующих сторон. Больше всего доставалось, конечно, Будаю – за его мягкость, добродушный нрав, за то, что не мог «поставить на место» кого следует...

О тех временах я разговаривал как-то с Виктором Борушко, одним из тогдашних мэтров в коллективе журнала «Коммунист Белоруссии». Человек принципиальный, требовательный, дотошный, он не прощал никому оплошностей. А служебный багаж у Виктора Фомича был солидный: одно время работал собственным коррес-

пондентом «Правды» по западным областям республики. Не щадил самолюбия местных руководителей, смело критиковал их за недостатки в мелиорации, за приписки (они и тогда уже давали свои ядовитые всходы). И на новом месте, в журнале, а до того в «Советской Белоруссии» действовал решительно, задиристо...

Будая пытались втянуть в конфликт, но он умело маневрировал между, так сказать, Сциллой и Харибдой, не давая повода усомниться в своей объективности.

А то, что Будай вкладывал душу в нелегкую редакторскую работу, ни у кого не вызывало сомнений. От ошибок же не застрахован никто. В журналистском деле их нелегко избежать. Но я не припомню какой-то серьезной оплошности в журнале, мелкие – нет-нет, да и вкрадывались, паршивки!

Что касается уровня публикаций, на что ссылались иные «доброжелатели», то Будай, конечно, не был теоретиком, не защищал диссертаций, но у него было развито политическое чутье, стремление познавать мир, события и явления быстротекущей жизни. И еще одно хорошее качество, которое его выручало в освещении сложных теоретических проблем, – Геннадий Васильевич не стыдился советоваться со сведущими людьми.



Михаил Шибалис.
Фото 1990-х годов

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ?

ЖУРНАЛ «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА» ПРОДАЕТСЯ

Минск

Брестская область: Барановичи, Брест, Пинск

Витебская область: Витебск, Глубокое, Городок, Докшицы, Лепель, Орша, Полоцк, Поставы

Гомельская область: Гомель, Житковичи, Жлобин, Калинковичи, Мозырь, Речица, Рогачев, Светлогорск, Хойники

Гродненская область: Гродно, Кореличи, Новогрудок

Минская область: Борисов, Вилейка, Молодечно, Слуцк, Солигорск

Могилевская область: Бобруйск, Глусск, Горки, Кировск, Могилев, Осиповичи, Чериков, Шклов

ПОДПИСКА – СТОПРОЦЕНТНАЯ ГАРАНТИЯ ПОЛУЧЕНИЯ СВЕЖЕГО НОМЕРА ЖУРНАЛА «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»!

СТОИМОСТЬ ЖУРНАЛА ПО ПОДПИСКЕ – НА 35 % НИЖЕ РОЗНИЧНОЙ

ми. Именно на это в беседе со мной обратила внимание Тамара Гордышева.

– Будай, – говорила она, – был гибким, демократичным руководителем. Он уходил от «драк», понимая, что оппонентов своих не переспоришь... Он стремился поддерживать теоретический уровень издания, и это во многом ему удавалось, журнал хвалили в обзорах печати. И еще: Геннадий Васильевич тщательно подбирал авторов, у него был широкий круг знакомств еще с партизанских времен, а среди них кандидаты, доктора наук. При мне он не раз звонил в Академию наук. Обращался по-дружески: Петро или Ваня, вот такая фраза, как она тебе? С кем посоветоваться еще? В общем, с Будаем работать было хорошо. Инициативу поддерживал. Сам был исполнительным и от других требовал того же. Но прогибаться не заставлял. Как сам себя вел с начальством – не видела, но, думаю, достойно...

Примерно в таком же ключе размышлял и Николай Соколов, пришедший в редакцию, как и я, после Академии общественных наук при ЦК КПСС:

– О Будае у меня остались самые добрые воспоминания. Я пришел из газеты (Николай Петрович работал до того редактором «Знамени юности», заместителем главного в «СБ». – **Авт.**), а она требует сиюминутности. В журнале пришлось перестраиваться. Геннадий Васильевич учил смотреть на вещи шире, осмысливать события в их развитии, взаимодействии... О войне рассказывать не любил, но иногда в узком дружеском кругу вспоминал, как приходилось прорываться из окружения, отстреливаться. Жаль, не записывал...

– Об этом, – говорю, – есть в его книге. Расскажите о нем, как о редакторе...

– Не забуду, – продолжал Николай Петрович, – как передовую статью мою обсуждали (был тогда такой порядок. – **Авт.**)... Члены редколлегии высказывали противоположные мнения. Думаю, как свести все это воедино? А Будай советует: обдумай хорошенько, приведи в порядок и приноси через недельку. А начни с партийного съезда. Это было его любимое пожелание, над которым мы нередко посмеивались. Он был дипломатом, умел сглаживать углы. Это нужно в любом коллективе, но особенно в таком, каким он был в журнале.

Небольшой, но сложный... Словом, быть хорошим редактором – это не столько уметь написать и поправить, сколько быть режиссером: подбирать кадры, строить взаимоотношения, кого-то похвалить, кого-то поругать. Тут будь хоть семи пядей во лбу – сделать это непросто. Особенно помирить бойцов, которые сражались не на жизнь, а на смерть...

Помню и сам: с приходом в редакцию Владимира Хотяновского – опытного журналиста, разрабатывавшего модную в то время тему научно-технического прогресса, ситуация еще больше накалилась. Володя выпустил тогда хорошую книгу об этом самом НТП, ее выдвинули на Госпремию.



Книга прошла все инстанции, и даже сам Иван Шамякин, тогдашний председатель комитета по премиям, поздравил его с победой. Владимир, искренняя душа, поделился новостью в редакции. Все бросились поздравлять, посылали в «двадцатый» магазин (был такой по соседству с Домом печати. – **Авт.**), но кандидат в лауреаты вовремя спохватился: «Ребята, рановато!».

И как в воду глядел. В тот же день в ЦК полетела «телега» с фактами о том, что Хотяновский-де дока не только в НТП, но и в каких-то «гешефтах» со страшно дефицитными тогда авто и т.п. «Телега» не была анонимкой, стояла подпись солидного партийца, а потому ей дали быстрый

ход. Хотяновскому пришлось писать объяснения, а кандидатуру его вернули в комитет по премиям на дополнительное рассмотрение. Этим все и закончилось, но для Будая это было еще одной неприятностью. «Кого вы выдвигаете? – выговаривали ему в ЦК. – Прокон, Геннадий Васильевич! Серьезный прокон! Впредь будьте осмотрительнее, осторожнее!»

Интересный эпизод напомнил Александр Ратайко, бывший тогда секретарем редакционной партийной «первички»:

– Что сильно подкосило Будая, так это пропажа какого-то документа... Сегодня это, ей-богу, воспринимается как анекдот, а тогда – ого, на полном серьезе! Меня вызывали в ЦК: что, дескать, у вас там творится? Будай был членом ЦК, и ему пересылали разные постановления. Вот одно из них, кажется, по строительству, где-то затерялось. Помнишь, обсуждали его персональное дело на партсобрании (я был тогда заместителем секретаря и все, конечно, помню. – **Авт.**). Представитель ЦК требовал вынести выговор с занесением в учетную карточку. Геннадий Васильевич очень переживал, прямо осунулся, почернел лицом... А вообще это был очень чуткий, внимательный к людям человек, – продолжал Ратайко. – Встречая меня, то и дело подкалывал: «Ну, как ты, когда женишься?» (Александр Петрович в солидных тогда годах ходил в холостяках. – **Авт.**). А если захвораешь, обязательно скажет: «Иди домой, лечись!» В общем, воспоминания у меня о нем самые светлые...

Вот эту черту отмечал и ответственный секретарь редакции Александр Дубовик:

– Правильно говорят о доброте, мягкости Будая. Но если необходимо было, то хватало у него и твердости. Нарушили, скажем, график сдачи журнала в набор. И тут же требовательный голос редактора: почему, по чьей вине? А проштрафившимся работникам строго выговаривал: «Что ж, вы, братцы, ставите под удар весь коллектив?» Если в типографии допускали какую-то шероховатость, Будай, как правило, звонил директору Кутовому: «Слушай, Борис, разве можно так?» Да, бывал он и строгим... Но замечания высказывал деликатно. Поругает за какую-то оплошность, а у виновника обиды нет. «Проявлял

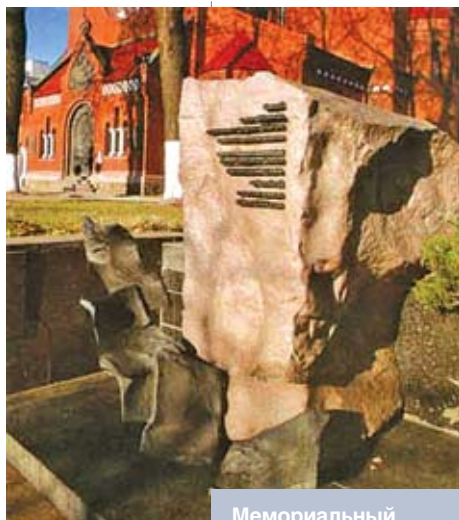
Г.В. Будай (третий справа в верхнем ряду) и его команда – коллектив редакции журнала «Коммунист Белоруссии»

твердость наш редактор и в отстаивании интересов сотрудников, особенно когда дело касалось квартир, я сам в этом убедился, – утверждал Дубовик. – Он обращался и к управляющему делами ЦК, и в горисполком. Чувствовал поддержку Машерова, Кузьмина: партизаны и фронтовики всегда относились друг к другу с особым доверием, симпатией. Конечно, не все и не ко всем, но, как правило...»

Что касается теоретической подготовки, то, по мнению того же Дубовика, была она у Будая достаточно крепкая. «Скажем так, – пояснял Александр Иванович, – в объеме тех требований, которые предъявлялись к журналу. Конечно, в московском «Коммунисте» теория была сильнее поставлена. Впрочем, зависело это не только от редактора, но и от всех сотрудников... Говорят: «неоднозначная фигура», сложная... А есть ли фигуры несложные, однозначные? Я, по крайней мере, таких не встречал».

Пишу эти строки, привожу суждения своих коллег о редакторе и думаю: как же легко судить и как трудно понимать! Вот, говорят, был «осторожным». Я не стал бы осуждать за это качество: редактор столь авторитетного издания не может рисковать из-за необдуманного слова или поступка. Иное дело, если осторожность перерастает в перестраховку. А вообще-то, нелегко провести между ними грань. Справедливо говорят: недостатки – продолжение достоинств, если эти достоинства проявляются не там и не так, и не тогда, когда необходимо. Опять же – кому необходимо, почему и т.п. Вопросы, вопросы...

Говорили иногда: сотрудники таскают друг друга за чубы, а редактор-де помалкивает... А как должен был он поступить: принять чью-то сторону? А если он не был согласен ни с той, ни с другой? Думаю, Будай слишком дорожил авторитетом и своим, и редакции, чтобы размениваться на дразги. На него сыпались удары, а он стоял



Мемориальный знак на месте гибели Владимира Омелянюка в Минске

непоколебимо, не склоняясь ни к одной из сторон, вызывая гнев обеих. Кому-то это кажется недостатком. Мне – нет.

Умер Геннадий Будай в 1988 году на семидесятом году жизни. Советская власть и великая страна рушились, доживали последние годы... Ему, всю свою жизнь боровшемуся за эту власть и эту страну, было особенно больно все чувствовать и понимать... В некрологе, подписанном руководителями республики, о нем говорилось как о талантливом журналисте, принципиальном коммунисте, скромном и обаятельном человеке.

...Уход его из журнала был неожиданным. «Геннадий Васильевич в отпуске», – коротко отвечала секретарша на телефонные звонки. Лишь «вертушка» – прямая связь с ЦК – помалкивала. Там, конечно, знали об отпуске. И готовились... За несколько дней до возвращения Будая в редакцию пожаловал гость из высокого здания в ранге «замзава» отделом с новым редактором. В редакции недоумевали: журнал на хорошем счету, его не раз отмечали с положительной стороны в союзных партийных изданиях, да и сам Геннадий Васильевич, несмотря на свои 68 лет, был в хорошей форме. Но там, где решалась его судьба, думали, наверное, иначе. А может, сработал рецидив давней, закореневшей во вседозволенности партийной традиции: попрощаться с человеком, даже не поблагодарив...

Хотя, впрочем, наград и благодарностей у Будая накопилось предостаточно: четыре ордена, звание заслуженного деятеля культуры, Государственная премия... Но дело, понятно, не в наградах...

Александр АКУЛИК,
кандидат исторических наук

ЛИТЕРАТУРА

1. Каминский, О. Маяк больше не светит / О. Каминский // Белорусская нива. – 2010. – 20 янв.
2. Будай, Г. Свинцом и словом. Записки журналиста / Г. Будай. – Минск: Мастацкая літаратура, 1975. – 223 с.
3. Амелянюк, В. Генадзій Будай / В. Амелянюк // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Фонд 22428.
4. Шибалис, М. Как угли горячие строки / М. Шибалис // Под старой седой елью: сб. воспоминаний / Ассоциация «Ажур». – Минск, 1992.
5. Новиков, И. Маршрутами памяти / И. Новиков // Неман. – 1976.